

УДК 811.161.1

*З.Н. Бакалова, И.Г. Сагирян***ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА МАСТЕРА В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»**

Статья посвящена языковой репрезентации образа Мастера в романе Булгакова «Мастер и Маргарита». Выполнена в русле идей лингвопоэтики. Методологическую основу составляют две ныне действующие парадигмы: структурно-семантическая и антропоцентрическая. Задача статьи – предложить свою версию лингвистического представления главного героя булгаковского романа. Методика языкового разбора предполагает опору на смысловое развертывание текста и прием смыслового расслоения текста в виде выделения и соотнесения тематически однородных фрагментов текста. В статье рассматривается художественная значимость языковых единиц разных уровней, языковых приемов контраста и повтора, функций сильных позиций романа, имеющих отношение к образу Мастера. В заключении статьи высказываются некоторые предположения об использовании результатов статьи в практике вузовского и школьного преподавания.

Ключевые слова: языковая репрезентация, языковые знаки, лингвопоэтика, художественная деталь, контраст, сильная позиция.

Многочисленные филологические работы о романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» выполнены преимущественно в литературоведческом ключе. Языковой стороне романа уделялось гораздо меньше внимания. Как правило, лингвистические изыскания находят свое место лишь в отдельных замечаниях, зачастую весьма интересных и глубоких.

Если учесть возросший интерес к лингвопоэтике в последние десятилетия, а также нужды формирования языковых компетенций студентов гуманитарных вузов и даже школьников старших классов (знать о языковом анализе, уметь его проводить, получать некоторый навык), то становится ясной целесообразность языковых разборов художественных произведений. Надобность работ такого рода диктуется еще и тем обстоятельством, что слово в широком его понимании – основа литературного творения, его материал, «первоэлемент» [6] и только внимательное изучение языковых знаков как маркеров авторских интенций поможет глубже проникнуть во все смыслы художественных текстов и воспринять их адекватно.

Приоритет языка как на начальном этапе анализа, так и на этапе обобщений определяется его ролью объективизатора каких-либо утверждений и выводов исследователей, не позволяющих скатиться к голословным субъективным мнениям¹. Язык – инструмент установления определенных отношений адресанта с адресатом и выполнения прагматических потребностей, отвечающих на вопрос о том, зачем употреблены те или иные языковые знаки [2. С. 236-237].

Наша задача – предложить свою версию лингвистической репрезентации образа Мастера в упомянутом романе Булгакова, которая могла бы послужить опорой для методических разработок в курсах «Филологический анализ текста» или на уроках литературы в старших классах средней школы.

Общее значение лексемы «мастер» в толковых словарях обычно определяется как «человек, достигший большого умения, мастерства в своем деле» [11. С. 234]. Булгаковский Мастер – это талантливый художник слова, который мог о многом рассказать современникам: о трагедии начала христианства – казни Иешуа Га-Ноцри², проповедовавшего нравственные истины в виде альтруизма, бесконечной сострадательности, отказа от лжи и трусости, о попытке противостояния Понтия Пилата первосвященникам Иудеи, об общефилософских и нравственно-этических проблемах в связи с этим, актуальных даже для настоящего времени. В отличие от других персонажей, Мастер не имеет имени, отчества и фамилии. Очевидно, важна не столько сама личность автора книги об Иешуа Га-Ноцри и Понтии Пилате, сколько тот труд, который вышел из-под его пера.

¹ Кстати, решающую роль слова подчеркивал и сам М.А.Булгаков, причем весьма оригинальным способом. Применительно к Мастеру об этом сказано в эпизоде помилования высшими силами Понтия Пилата. Пилат поднимается с кресла, к которому он был прикован почти два тысячелетия, и получает возможность пойти к Тому, кого он в свое время не защитил от толпы, убоявшись угроз Первосвященника, – только после слов Мастера: «Свободен! Свободен! Он ждет тебя» [3. С. 240].

² Как известно, образы Иисуса Христа и Иешуа Га-Ноцри сходны, но не идентичны.

За основу анализа примем смысловую структуру булгаковского романа, то есть смысловое развертывание текста, как рекомендует Н.С. Болотнова [3], и связанный с ним прием смыслового расчленения текста [5]. Суть этого приема заключается в выделении и соотнесении однородных тематических слоев художественного произведения, в данном случае – фрагментов, связанных с личностью, жизнью и судьбой Мастера.

Несмотря на значимость Мастера, он появляется лишь в 13-й главе романа, названной «Явление героя». Само число 13 традиционно считается символом несчастья. Не исключено, что М. Булгаков предвещает этим трагизм судьбы своего основного персонажа. И в самом деле, тот появляется не в лучшем для человека состоянии и, как ни странно для читателя, – в сумасшедшем доме. Вид его не из приятных: «бритый, темноволосый, с острым носом, с встревоженными глазами и со свешивающимся на лоб клоком волос». Авторский эпитет «встревоженные» (глаза), а потом и первые слова незнакомца создают впечатление, что человек этот настрадавшийся. Он проник в соседнюю палату Ивана Бездомного, и первое, о чем он спросил: «Вы, надеюсь, не буйный? А то я, знаете ли, не выношу шума, возни, насилий и всяких вещей в этом роде. В особенности ненавистен мне людской крик». Речь интеллигентного человека, жаждущего покоя.

На голове незнакомца была черная шапочка с вышитой буквой «М». Обычно сходные шапочки надевают на головы ученые под торжественные мероприятия. Неоднократные упоминания этой шапочки, сшитой руками любящей женщины, заставляют предположить, что шапочка – символ академичности (Мастер) и постоянная память о Маргарите.

– *Вы писатель?* – спросил Бездомный. *Гость потемнел лицом и погрозил Ивану кулаком, потом сказал: «Я – Мастер».* Авторская ремарка означает «разволновался». Мастер явно противопоставляет эти два понятия. Потом станет ясно, что ему хотелось отделить себя от членов Массолита, то есть писателей вульгарно-социологического направления, работавших в шорах господствующей идеологии.

О многом говорит самопрезентация Мастера. «Я знаю пять языков, кроме родного: английский, французский, немецкий, латинский и греческий». Работал в одном из московских музеев, занимался переводами, по образованию историк. Жил одиноко, ютился в коммунальной квартире, не имея родных и почти не имея знакомых в Москве. «История моя не совсем обыкновенная», – говорит неожиданный посетитель. Судьба сделала ему подарок – большой денежный выигрыш, позволивший создать условия для творческой работы. Он смог арендовать две изолированные комнаты в подвале маленького домика с садиком близ Арбата.

– *Ах, это был золотой век, – блестя глазами, шептал рассказчик, – совершенно отдельная квартирка и еще передняя, и в ней раковина с водой, – почему-то особенно горделиво подчеркнул он, маленькие оконца над самым тротуарчиком, ведущим от калитки. Напротив, в четырех шагах, под забором, сирень, липа и клен. Аа, ах, ах!.. И в печке у меня потом пылал огонь!.. диван, а напротив другой диван, а между ними столик, и на нем прекрасная ночная лампа, а к окошку ближе книги, маленький письменный столик, а в первой комнате – книги, книги и печка. Ах, какая была у меня обстановка!*

Присмотримся к языковому выражению эмоционального настроения новосела. Это средства всех возможных языковых уровней. На лексическом ярусе оценочные эпитеты («золотой век», «прекрасная ночная лампа»). На морфологическом – наречия высшей меры и степени («совершенно отдельная квартирка», «особенно горделиво»), междометия и деминутивы («маленькие оконца», «квартирка»). Из арсенала синтаксиса взяты коннотативные словосочетания с обстоятельствами образа действия («шептал блестя глазами», «горделиво подчеркнул»), экспрессивные восклицательные предложения с нанизыванием присоединительными союзами А и И новых и новых прекрасных, с точки зрения героя, подробностей квартиры («диван, а напротив...», «а между ними столик», «и на нем...», «а в первой комнате...»).

На первый взгляд, этот материальный вещный мир ничего, кроме улучшенного быта, не выражает. Но это не так. Конечно, художественные детали рисуют полную противоположность убожеству прежнего существования в коммуналке. Но кроме этой описательной роли фона действия, они выполняют и более важную функцию, способствуя раскрытию сущности персонажа. Все бытовые детали – живое воплощение его мечты о таких условиях жизни, которые давали бы возможность реализовать свой талант художника слова, его полета и глубин мысли. Новые условия играют едва ли не решающую роль в жизни Мастера, поскольку они воплотили счастье творческого человека, его психологическое ощущение свободы независимой личности.

Довершением счастья было знакомство с Маргаритой. Все случилось внезапно и бесповоротно. Любовь поразила их обоих, как солнечный удар у Бунина. Мастер «вдруг вытер неожиданную слезу правым рукавом и сказал: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу!» Неожданное сравнение с убийцей, видимо, не случайно, ему вторит повествователь: «Так поражает молния, так поражает финский нож!» Эти слова снова настраивают читателя на тревожный лад, несмотря на то, что речь идет о счастливой встрече мужчины и женщины. С этих пор его тайная жена и одновременно муза помогала и украшала жизнь Мастера. «Она входила в калитку один раз, а биение сердца я испытывал не менее десяти». Маргарита готовила завтрак, шила Мастеру шапочку, вытирала сотни пыльных корешков книг, в домишке слышался смех. Она поддерживала его и в творчестве: переписывала роман, восхищалась им, повторяла его фразы наизусть. Оба считали, что «столкнула их сама судьба и что созданы они друг для друга навек». Апогеем счастья стало завершение романа.

И вот это двойное счастье рухнуло. Попытка опубликовать роман принесла разочарование, боль и страдания. «Я впервые попал в мир литературы и вспоминаю о нем с ужасом! – прошептал Мастер». На него полились потоки грязи, оскорбительных насмешек, упреков и обвинений. «Над первыми из них я смеялся, но чем больше их появлялось, тем более менялось мое отношение к ним. Второй стадией была стадия удивления. Что-то на редкость фальшивое и неумелое чувствовалось в каждой строчке этих статей, несмотря на их грозный уверенный тон. Мне все казалось, что авторы этих статей говорят не то, что они хотят сказать, а затем, представьте себе, наступила третья стадия – страха... Я стал бояться темноты... Мне казалось, что через оконце, хоть оно и было закрыто, влезает какой-то спрут с очень длинными и холодными щупальцами... Я вынул из ящика стола тяжелые списки романа и начал их жечь... Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен. Мне страшно». «Я вспоминать не могу без дрожи свой роман». Мастер не выдержал и ночью самовольно пришел в сумасшедший дом в надежде на спасение.

Как расценивает все это создатель романа М.А. Булгаков? Автор, его личность и творческая деятельность – ядро, стержень всей художественной системы литературного произведения, обуславливающей суть и оценки всех описываемых фактов. Все элементы художественной системы выполняют роль, «порученную» им автором. Это относится и к языковым средствам, создающим персонализированный образ. Мастер изнемог в неравной борьбе с пасквилянтами. Он ослабел, сломался, сдался, покинул свою Маргариту, правда, из самых благородных побуждений: «Бедная моя, бедная. Со мной будет нехорошо, и я не хочу, чтобы ты погибала вместе со мной». Но Булгакову он дорог и понятен³.

Приглядимся к авторским сигналам. Рукопись Мастер сжег в состоянии аффекта, но «рукописи не горят». Магическая сила воссоздала сгоревшие страницы. Творчество восторжествовало, не погибло. Маргарита, замечательная, тонкая, «неимоверной красоты женщина», одарила Мастера самоотверженной любовью. Уровень ее интеллекта позволил оценить и глубину смысла романа о нравственном законе Га-Ноцри, интуитивно понятном Мастером, и мастерство его воплощения. Она говорит, что «в этом романе ее жизнь». Расстанутся они только на время – встречаются под конец бала Сатаны. «Она целовала его в лоб, в губы, прижималась к колючей щеке, <...> бессмысленно повторяя: – Ты...ты, ты <...> Не бойся ничего! Я с тобой! Я с тобой!» Такая женщина – награда мужчине. «Дух зла» обращается к Мастеру почтительно, называя его «трижды романтическим». «Желаю вам счастья», – произносит Воланд в конце романа. Все кончается благополучно.

Итак, Мастер под пером М.А. Булгакова, в его творческой лаборатории рождается, едва не погибает и оживает во многих текстовых знаках и приемах. Их совокупность реализует авторскую интенцию и создает целостный художественный образ.

Одним из эффективных механизмов создания и восприятия главного героя служит использование уже упоминавшихся художественных деталей. В переводе с французского “detail” значит «частность, мелочь». Но взятые вместе эти частности выразительно рисуют личность Мастера, через единичное формируя общее представление о нем.

Не менее важны приемы контраста, построенные на сопоставлении друг с другом каких-либо явлений. Создавая противоположные характеристики ситуаций и действующих лиц, они высвечивают их сущность, сосредоточивают на этом внимание читателей и даже способствуют развитию сюже-

³ Многие факты жизни Мастера для Булгакова автобиографичны. Он тоже пережил и нападки, и отказы печатать его труды, и унижительное нищенство. Но, в отличие от Мастера, он не был лишен бойцовских качеств. Доведенный до крайности, написал довольно резкое письмо правительству, после чего телефонный звонок Сталина вернул его к творческой жизни.

та. В романе «Мастер и Маргарита» много контрастных линий изображения фактов: «проклятая дыра» в коммуналке и – «отдельная квартирка» вблизи Арбата; «золотой век» счастья творчества и любви и – несчастье («катастрофа»), спровоцированное публикацией творения Мастера и лишившее его всего того, что он любил – и романа («сжег»), и крова («дом скорби»), и в тот период – Маргариты; творчество истинного мастера слова – и жалкая суета, с позволения сказать, критиков, уничтожающих его в угоду господствующей власти; и даже две совершенно разные женщины в его жизни – Варенька («не помню») – и Маргарита («я понял, что это любовь всей моей жизни»). Контрастивы далеко не обязательно должны быть выражены системными языковыми антонимами, достаточно контекстуальной антонимизации совокупностью средств разных языковых уровней, вербализующих различные жизненные перипетии. «Задача гениального писателя заключается как раз в том, чтобы удерживать внимание читателя на протяжении всего повествования. Известно, что задержать на себе внимание может то явление, которое функционирует в не характерных для этого явления рамках либо выполняет иную роль, находится в не свойственном для него месте и т. д.» [10. С. 247].

Многочисленные повторы тоже акцентируют внимание на моментах, немаловажных с точки зрения повествователя. Таковы, например, высказывания Мастера, варьирующие и нагнетающие его негативное отношение к своему роману после тяжелого нервного расстройства, и многочисленные трогательные слова о своей возлюбленной.

Играют свою значимую роль и неоднократно повторяющийся на разные лады мотив тревоги, антропоним «Маргарита», ассоциирующийся с королевой Марго и с гетевской Маргаритой из драмы «Фауст», характеризующие авторские ремарки.

Значимы сильные позиции заголовка и в особенности концовки произведения, где высшие святы силы награждают Мастера покоем, да еще вместе с его любимой женщиной. Это значит, что Божья воля, как и авторская, воздаст должное Мастеру, несмотря на то, что он и слаб («меня сломали»), и грешен тем, что отрекся от романа [9]. Булгаковеды не исключают, что это обстоятельство может быть связано с некой пока не разгаданной до конца тайной романа, напоминающего криптограмму, адресованную будущему читателю, с зашифрованным и нераскрытым знанием [7. С. 34; 8. С. 208]. А образ Мастера с очевидностью выражает представления Булгакова о высоком призвании писателя с большой буквы в истории культуры человечества.

Способы постижения учащимися роли языковых знаков художественного текста в практической работе педагога могут быть различны в зависимости от личности преподавателя: его увлеченности, профессионального мастерства, его точки зрения и проч. Можно порекомендовать ответы на предложенные вопросы о сущности героев или о художественном мастерстве писателя, составление эссе на выбранную тему, тестирование, а в вузе – учебные конференции, диспуты, рефераты, контрольные работы. В любом случае занятия такого рода могут способствовать лингвистической зоркости и художественному чутью, выработке самостоятельного мнения и даже гражданской позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакалова З.Н. Функционально-коммуникативный аспект языковых единиц художественного текста // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2008. № 49. С. 44-48.
2. Бакалова З.Н., Краснова Е.А. О функциях уступительных высказываний в художественном тексте: теоретический и методический аспекты // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 3.2. С. 236-242.
3. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. 520 с.
4. Борисова Е.Б. Художественный образ в британской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод: монография. Самара: ПГСГА, 2010. 356 с.
5. Бэлза И.Ф. Генеалогия Мастера и Маргариты // Контекст-1978. М.: Наука, 1978. С. 156-279.
6. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. 255 с.
7. Зеркалов А. Лежащий во зле мир... // Знание-сила. 1991. №5. С. 34-41; с. 92.
8. Меняйлов А.А. Дурилка: Записки зятя главврача. М.: Крафт+, 2003. 280 с.
9. Немцев В.И. Михаил Булгаков: становление романиста. Самара: Изд-во Саратовского ун-та. Самарский филиал, 1991. 163 с.
10. Сагирян И.Г. Парантезный абзац в функционально-прагматическом аспекте // Вестник ИрГТУ. 2014. № 7 (90). С.245-251.
11. Словарь русского языка в 4-х тт. Т. 2. К–О. М.: Русский язык, 1982.

*Z.N. Bakalova, S.G. Sagiryan***LANGUAGE REPRESENTATION OF THE MASTER CHARACTER
IN “THE MASTER AND MARGARITA” NOVEL BY M.A. BULGAKOV**

The article deals with the language representation of the Master character in “The Master and Margarita” novel by M.A.Bulgakov. It is carried out in keeping with ideas of linguopoetics. Its methodological plot is presented by two existing paradigms: semantic and anthropocentric. The task of the article is to propose the authors’ version of the language representation of the novel’s main character in “The Master and Margarita” by M.Bulgakov.

The method of language analyses proposes the footing on the text development and text dissolution in the form of singling out and correlation of sensually similar text fragments. The article considers the artistic significance of linguistic units of different levels, of linguistic ways, of methods of contrast and replays, of strong positions and their functions regarding the Master’s image. In the conclusive part of the essay some suppositions are made to the usage of its results in high and higher school practice.

Keywords: language representation, language signs, linguopoetics, detail of art, contrast, strong position.

Бакалова Зинаида Николаевна,
доктор филологических наук, доцент кафедры
«Русский язык, культура речи и методика
их преподавания»

Самарский государственный
социально-педагогический университет
443099, Россия, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67
E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Сагирян Инга Григорьевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Документоведение и языковая коммуникация»
Донской государственный технический университет
344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
E-mail: sagiryan@yandex.ru

Bakalova Z.N.,
Doctor of Philology, Professor at Department
of Russian language, culture of speech and methods
of their tuition

Samara State Academy of Social Sciences
and Humanities
65/67, M. Gor’kogo st., Samara, Russia, 443099
E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Sagiryan I.G.,
Candidate of Philology, Associate Professor at Department
of Documenology and language communication
Don State Technical University
1, Gagarina sq., Rostov-na-Donu, Russia, 344000
E-mail: sagiryan@yandex.ru